

УДК 393.05
ББК 63.5(2)

И.Г. ПЕТРОВ

ПОСМЕРТНАЯ СВАДЬБА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЧУВАШЕЙ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

Ключевые слова: чувашаи, похоронно-поминальная обрядность, ритуал, приметы и поверья.

В статье рассмотрены похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей, проживающих на территории Южного Приуралья, главным образом, приицкого и прибельского бассейнов Республики Башкортостан. Выбор ареала исследования обусловлен тем, что похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей указанного региона в историко-этнологическом отношении изучены недостаточно, а имеющиеся исследования носят обобщенный или фрагментарный характер. **Цель исследования** – показать феномен так называемой посмертной свадьбы и ее локальные варианты, которые сохранились и бытуют в ритуальной практике указанной этнотерриториальной группы. **Материалы и методы.** Исследование проведено с использованием общенаучных методов анализа, синтеза, аналогии, систематизации и основополагающих принципов исторических исследований: историзма, объективности, системности и конкретности. Также использованы историко-сравнительный, описательный методы, метод системно-семантического анализа, а также такие методы полевых исследований, как интервью и наблюдение. В основу статьи положены историко-этнологические исследования по этнографии, религии и похоронно-поминальной обрядности чувашей, народов России и Волго-Уральского региона, архивные документы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также полевые материалы, собранные автором в 2014, 2021, 2022 гг. в Республике Башкортостан и Республике Татарстан. **Результаты.** Проанализированы представления чувашей об институте брака с точки зрения его актуальности для неженатых и незамужних покойников, рассмотрены вербальные, акциональные и обрядовые действия, преследующие своей целью мотивацию заключения брака представителями указанной категории покойных, отражены суть и содержание посмертной свадьбы в обрядовой практике приуральских чувашей, в том числе локальные формы ее проявления. **Выводы.** Выявлено, что посмертные свадьбы носили символический характер и проводились формально. С участием родителей и родственников покойного они устраивались как с предварительным посещением, так и без посещения кладбища. Время для проведения свадьбы родители покойного определяли сами или приурочивали ее к летним или осенним общим поминовениям усопших. На посмертных свадьбах соблюдались такие элементы традиционной чувашской свадьбы, как исполнение протяжных и плясовых свадебных песен с танцами, родительское благословение, совместная трапеза за столом, раздача участникам обряда подарков.

Введение. Обычаи и обряды, связанные с похоронами и поминками, представляют собой богатый и неисчерпаемый историко-этнографический источник. Своими корнями они уходят в толщу веков и отражают древнейшие верования и представления. Это касается и похоронно-поминальной обрядности чувашей. Кроме того, для этого вида семейной обрядности характерны выраженный консерватизм и сохранение в нем многих архаических элементов, восходящих к дохристианским, так называемым «языческим» верованиям. Последние имеют место в обрядовой культуре и практике не только некрещеных, но и подавляющей части православных чувашей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современной чувашской этнологии, несмотря на обширную историографию, до сих

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

пор отсутствуют системные и обобщающие исследования, характеризующие как похоронно-поминальную обрядность чувашей в целом, так и отдельные похоронно-поминальные комплексы, в том числе в контексте сохранения в них традиционных («языческих») компонентов и их бытования в современной религиозной и обрядовой практике. Касаясь похоронно-поминальных обрядов чувашей, А.К. Салмин справедливо отмечает, что вплоть до настоящего времени в чувашской этнологии «отсутствуют системные и логически последовательные исследования, из которой можно было бы получить цельное представление о теме» [25. С. 281].

Данная работа призвана не только восполнить пробелы, имеющиеся в изучении похоронно-поминальной обрядности чувашей, но и дополнить ее новыми материалами и источниками. В ней рассматриваются похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей, проживающих на территории Южного Приуралья, главным образом в приикском и прибельском бассейнах. Именно поэтому настоящая работа представляет значимость, так как похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей в данном регионе в историко-этнологическом отношении изучены недостаточно, а имеющиеся исследования носят обобщенный или фрагментарный характер.

Цель статьи – показать феномен так называемой посмертной свадьбы *туй* и ее локальные варианты, которые в настоящее время сохранились и бытуют на изучаемой территории.

Задачи исследования:

- 1) охарактеризовать представления чувашей об институте брака с точки зрения его актуальности для неженатых и незамужних покойников;
- 2) рассмотреть вербальные, акциональные и обрядовые действия, преследующие своей целью мотивацию заключения брака представителями указанной категории покойных, а также отразить суть и содержание посмертной свадьбы в обрядовой практике приуральских чувашей и ее локальные формы проявления;
- 3) показать аналогичные представления и обряды с элементами свадьбы, которые имеются в обрядовой практике других народов России, в том числе Урало-Поволжья.

Материалы и методы. Исследование проведено с использованием общенаучных методов анализа, синтеза, аналогии, систематизации и основополагающих принципов исторических исследований: историзма, объективности, системности и конкретности. В работе также использованы историко-сравнительный, описательный методы, метод системно-семантического анализа, а также такие методы полевых исследований, как интервью и наблюдение.

В основу статьи легли историко-этнологические исследования по этнографии, религии и похоронно-поминальной обрядности чувашей, народов России и Волго-Уральского региона, архивные документы фонда Н.В. Никольского из Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук [12–14], а также полевые материалы, собранные автором в 2014, 2021, 2022 гг. в Республике Башкортостан (Бакалинский, Бижбулякский, Федоровский районы) и Республике Татарстан (Аксубаевский и Нурлатский районы) [16–23].

Результаты исследования. *Представления чувашей о необходимости брака и семьи в потустороннем мире.* По представлениям чувашей, создание семьи являлось обязанностью не только живых людей, но и покойников. Это правило особенно распространялось на неженатых и незамужних

умерших людей. Существовало поверье, что молодой парень или девушка на «том свете» обязательно должны иметь жену или мужа и что без них им там не будет места. Кроме того, чуваша верили, что покойники, которые при жизни не успели вступить в брак, попадали в категорию безродных покойников – *камалсӑр виле*, о которых некому справлять поминки [32. С. 171]. В основе термина лежит слово *камалсӑр*, что означает «бобыль, (человек, не имеющий ни родни, ни семьи)» [3. С. 50]. В других ареалах расселения чувашей вместо *камалсӑр* используется слово *камансӑр*. О таких умерших так и говорили: *арсын камалсӑр*, т.е. мужчина, умерший до женитьбы, *хӗрарӑм камалсӑр / хӗр камалсӑр / хӗр камансӑр* – женщина / девушка, умершая до замужества [3. С. 50].

Кроме детей, юношей и девушек, мужчин и женщин, не получивших супружеской пары, к этой категории покойников также относили людей, кого настигла «злая», несчастная и неожиданная смерть [3. С. 50; 32. С. 136]. Таковыми считались самоубийцы, утопленники, опойцы, замерзшие в пути, умершие от молнии, от рук убийцы или несчастного случая и т.д. В восточнославянской традиции их относили к так называемым «заложным» покойникам, и они для живых людей представляли опасную и вредоносную силу [8]. Чуваша также считали, что такие покойники, если их должным образом не помянуть и не приносить жертвоприношения, будут напоминать о себе болезнями, несчастьями, неурожаями и даже стихийными бедствиями. Поэтому, чтобы избежать этого, они являлись постоянным объектом поминовений, которые обязательно заканчивались обрядом ритуального кормления *хывни*. Во время годовых поминовений обряд *хывни* чуваша сперва проводили в честь умерших родственников, а после них не забывали помянуть безродных покойников [3. С. 50]. А в период засухи во время проведения обряда вызывания дождя *сумӑр чӳк* его участники шли на кладбище и на могилы умерших, которые относились к категории *камалсӑр виле*, выливали воду.

В отношении покойников, которые умерли до замужества или женитьбы, чуваша следили также за тем, чтобы они не оставались в одиночестве, т.е. без семьи. Бытовало поверье, согласно которому в «потустороннем» мире *леш тӗнче* люди жили такой же жизнью, что и на земле: они имели свои дома и другие необходимые постройки, занимались хозяйством, ходили друг к другу в гости, веселились, горевали, играли свадьбы, растили детей и т.д. В.К. Магницкий отмечал, что «по верованию чуваш, жизнь человека со смертью не прекращается, умершие и по смерти живут тем же обычаем и порядком, каким жили и здесь» [9. С. 258].

Кроме этого, жизнь покойника в потустороннем мире без спутника жизни, без семьи считалась не только противоестественной, но и обремененной лишениями и трудностями. К примеру, чуваша верили, что если девушка умрет, не успев выйти замуж, то она на «том свете» всю жизнь будет пасти уток, гусей и других домашних птиц [12]. Согласно другому поверью, умершие в целомудрии незамужние девушки на «том свете» становились женами Духа смерти *Эсрель* и коротали всю свою жизнь, стирая его белье. По этой причине матери, оплакивая дочерей, приговаривали: «Ах, *Тор, Тор, хирим, Эсрель арыме больче!*» (О, Господи, Господи, моя дочка сделалась женою Эсреля!). Что же касается холостых мужчин, то их участь тоже была незавидной, так как в потустороннем мире они становились потенциальными женихами дочерей *Эсреля* и были обязаны на них жениться [9. С. 258].

Другим широко распространенным поверьем было представление о том, что умершие ранней смертью дети в загробном мире продолжают расти и спустя определенное время достигают совершеннолетия, что дает им право жениться или выйти замуж. В начале XX в. М. Васильев в своем сочинении по этому поводу писал: «Умершие дети, по предположению чуваш, растут и, по достижении зрелого возраста, женятся или выходят замуж, обзаводятся семьей» [4. С. 343]. Касаясь обрядов поминального цикла чувашей Симбирской губернии, К.П. Прокопьев также отмечал, что «по понятиям чуваш, дети, умершие в раннем возрасте, продолжают расти в загробной жизни и по достижении зрелого возраста могут жениться и выходить замуж. Если, например, умрет у чувашина мальчик 12 лет, при общих поминовениях усопших он в течение восьми лет продолжает зажигать свечку и в честь его. По прошествии восьми лет, когда умершему мальчику исполнится 20 лет, родители в последний раз зажигают в честь его свечку, произнося следующие слова: «Больше мы не будем уже поминать тебя свечкой, теперь ты можешь жениться на хорошей девушке» (а если девочка, говорят: «Выйди за хорошего парня»). После этого поминают его только одними кушаньями» [24. С. 22]. Аналогичные представления были характерны для чувашей с. Новое Чурашево Цивильского уезда Казанской губернии: «*Хёр ача полсан, а́на сорта лартмасть. “Сана лартмастӓп”, – тет. “Качча кай, санӓн сол ситнӗ”, – тет*» (Если это девушка, то свечку не ставит. «Тебе [свечку] не поставлю. Выходи замуж, у тебя года подоспели», – говорит) [14; 30. С. 251].

Таким образом, в отношении умерших преждевременной смертью детей, юношей и девушек, чуваше руководствовались теми же жизненными установками и принципами, которые были актуальными в земной жизни. По их верованиям, они не должны были оставаться одинокими и были обязаны найти себе брачную пару. Если покойными были юноша или девушка, с пожеланием найти супругу к ним обращались как на похоронах, так и на поминках. Если же покойными были малолетние дети, такие пожелания им высказывались только тогда, когда они становились совершеннолетними. Так как после совершеннолетия они создавали свои семьи и начинали жить самостоятельной жизнью, во время ежегодных поминовений свеч им не зажигали, а обходились только подношениями из различных кушаний, т.е. проводили обряд *хывни*.

Вербальные, акциональные и обрядовые действия с мотивацией брака в похоронно-поминальной обрядности чувашей. В силу того обстоятельства, что, согласно чувашским поверьям, «умереть взрослому холостым или девицею, считается большим несчастьем» [9. С. 258], родные и близкие таких покойников, прежде всего родители, прибегали к различным магическим обрядам и действиям, чтобы они в потустороннем мире нашли себе супружескую пару. Такие действия с побудительным мотивом и семантикой совершались как во время похорон, так и после. Их можно подразделить на вербальные, акциональные и ритуальные (обрядовые). Однако эти действия в ритуальной практике чувашей по отдельности не бытовали, а функционировали в едином комплексе.

К вербальным приемам народной магии относятся различного рода устные обращения, адресованные неженатым или незамужним покойникам, в которых содержится просьба или наказ найти в «том мире» супруга или супругу. Например, родные и близкие к умершей незамужней девушке обращались так: «*Качча кай, санӓн сол ситнӗ*» (Выходи замуж, у тебя года подоспели) [14; 30. С. 251]. К неженатому парню обращались по-другому, но с таким же смыслом: «*Авлан, пӗччен*

ан *сӳре*» (Женись, не ходи одиноким) [17]. Родители и родственники с такими наставлениями обращались к покойным во время похорон, а также на частных и общих поминовениях усопших. В других ситуациях с такими просьбами обращались не к покойным, а к предкам *ваттисем*. В честь *камалсӑр виле* – умерших несчастной смертью детей, парней и девушек, в год, когда они достигали совершеннолетия, родные и близкие покойных на общих поминках зажигали свечи и молились предкам, приговаривая, чтобы *камалсӑр* в потустороннем мире не ходили бобылями, и просили их женить или выдать замуж [32. С. 171].

К акциональным действиям относятся различные магические действия с какими-либо предметами для достижения какой-либо цели. В них эти предметы выступают в качестве предмета или объекта. В контексте затронутой проблемы к таковым относится широко распространенный среди чувашей обычай подкладывания в гроб холостых покойников, прежде всего девушек, предметов с выраженной брачной семантикой. Так, в Буинском уезде Казанской губернии рядом с умершей девушкой родственники клали женский *сурпан* – головной убор в виде полотенца с орнаментированными концами. Это делалось для того, чтобы она смогла воспользоваться им на «том свете», когда будет выходить замуж: «*Хӗр пулсан, хӑй тунӑ сурпанне хунӑ, качча каять тенӗ*» (Если [умершей] была девушка, к ней подкладывали изготовленный ее руками сурпан, говорили, что выйдет замуж) [13].

В других ареалах в гроб девушки клали женскую рубаху *хӗрарӑм кӗпи* и при этом давали устное наставление: «Выходи замуж, не ходи девушкой» [12]. В таких случаях даже называли имя жениха, за которого она может выйти замуж. Таковым обычно выбирали недавно похороненного неженатого парня [25. С. 297].

Следует заметить, что данная традиция в трансформированном виде бытует и в настоящее время. В последние десятилетия по настоянию некоторых родителей неженатых и незамужних молодых людей брачного возраста хоронят в свадебном одеянии, полагая, что на «том свете» они когда-нибудь женятся или выйдут замуж. В этих целях в брачных салонах для юноши покупают классический мужской костюм с бутоньеркой (нагрудным цветком), а для девушки белое свадебное платье с фатой [2. С. 58, 59; 19]. Среди чувашей указанный обычай получил распространение в основном в советское время благодаря влиянию со стороны других народов.

Посмертная свадьба в ритуальной практике чувашей Южного Приуралья. Среди магических обычаев с мотивацией брака в ритуальном его оформлении большой научный интерес представляет посмертная свадьба *туй*, а также поминальная обрядность с элементами свадьбы. Следует заметить, что такая свадьба всегда носит символический характер, так как проводится без соблюдения многих обрядовых компонентов, т.е. формально.

Применительно к чувашам этот вопрос в научной литературе не получил обстоятельного научного освещения и анализа. Поэтому в данном разделе исследования этот феномен предлагаем изучить на примере чувашей Южного Приуралья, главным образом в пределах современной Республики Башкортостан. Для этого рассмотрим несколько примеров, записанных нами в отдельных районах республики с некрещеным («языческим») и крещеным (православным) чувашским населением.

Так, в с. Ахманово Бакалинского района Республики Башкортостан посмертная свадьба была проведена семьей некрещеных чувашей Исавлиных в 1974 г. Когда их дочери, умершей в младенчестве, исполнилось 18 лет,

по совету родной бабушки было принято решение выдать ее замуж. Для этого родители девушки из числа родственников пригласили несколько человек, а затем отправились на кладбище. Здесь возле ее могилы они зажгли свечку, совершили обряд *хывни*, а затем мать умершей обратилась к ней со следующими словами: «*Хёрём, качча кайма вӑхӑту ситрӗ. Качча кай, хӑвна мӑшӑр туп, упӑшкаллӑ пул. Эйлет пурӑнӑр*» (Доченька, подошло время выйти замуж. Выходи замуж, подыщи себе пару, заведи супруга. Живите хорошо). После этого все присутствующие пропели несколько куплетов свадебной песни *туй юрри*. В это время хозяева угощали присутствующих принесенной из дома выпивкой и угощениями. Перед уходом с кладбища родители «пригласили» дочь на свадьбу и вместе со всеми возвратились обратно. Затем участники церемонии сели за стол и продолжили начатую свадьбу *туй*; между угощениями пели свадебные и гостевые песни. Прежде чем разойтись по домам, гости из рук хозяев получили подарок *хайӑр*. Мужчинам вручили полотенце, женщинам – платок или салфетку [16]. По воспоминаниям Х.С. Исавлина (1932 г.р.) и А.П. Кузнецова (1934 г.р.), в 90-е гг. XX в. примерно также они выдали замуж дочь своей родственницы, которая умерла грудным ребенком в возрасте 2 месяцев. Когда ей исполнилось 18 лет, родители пригласили несколько родственников, сходили на кладбище, а потом у себя дома устроили символическую свадьбу [16].

По сведениям А.С. Бикбовой (1926 г.р.), иногда эту церемонию проводили дома без посещения кладбища. Родители обращались к вступившему в совершеннолетие молодому человеку и призывали его поскорее найти себе подходящую девушку, а в конце говорили: «*Авлан, пӗччен ан сӑре*» (Женись, не ходи одиноким). После этого следовало небольшое угощение, во время которого хозяева раздавали приглашенным гостям подарки – *хайӑр*, *кучченеç парасçӗ* [17].

Посмертные свадьбы, устраиваемые для неженатых и незамужних покойников, также зафиксированы в юго-западных районах приикской зоны расселения приуральских чувашей, например, в с. Кистенли-Богданово Бижбулякского р-на РБ. В данной местности она вписана в ритуал общего поминовения умерших и предков, который проводится в понедельник после Пасхи – *Мӑнкун ватти*. В соответствии с локальной традицией, здесь сперва поминают умерших родственников, затем три или пять человек (обязательно нечетное количество) выходят на улицу и около воротного столба проводят *хывни*. Как только участники церемонии входят обратно в дом, один из родителей оповещает всех собравшихся о необходимости сыграть свадьбу сына или дочери, умершего (-ей) без брака или вступившего (-ей) в совершеннолетие. К этому времени хозяйка накрывает стол новыми кушаньями, потому что прежняя поминальная еда для свадебного торжества уже не годится. Если мучные и другие блюда, а также питье могут остаться с прежнего стола, то суп подают обязательно свежесваренный – *сӗнӗ яшка лартаççӗ*. По завершении всех приготовлений женщины и мужчины, как на настоящей свадьбе, встают на ноги и затягивают протяжную песню. Эту песню принято петь, начиная свадьбу, поэтому ее чувашские фольклористы называют песней-зачином.

<i>Сӑлте те Турӑ, сӗрте патша, –</i>	На небе Бог, на земле царь,–
<i>Ерехмет те сӑт тӗнче тунӑшӑн!</i>	Спасибо да за создание белого света!
<i>Эсӗ те сӑт тӗнче тытман пулсан,</i>	Если бы ты белый свет не держал,
<i>Аçтарахчӗ пирӗн сӑт тӗнче?</i>	Где же (был) бы наш белый свет?

*Ырă пиччеçем, инкеçем,
 Ёрехмет те ывăл-хёр тунăшăн!
 Эсир ывăл-хёр туман пулсан,
 Аçтарахчĕ пирĕн ку туйсем?*

Добрые наши дядюшка и тетушка,
 Спасибо да за рождение сынов-дочерей!
 Если бы вы не родили сынов-дочерей,
 Где же (были) бы наши эти свадьбы?

[31. С. 105; 18].

Закончив песню, все присутствующие выходили на середину комнаты и под игру гармони или без музыкального сопровождения приступали к пению плясовой песни. Одна часть гостей пела и хлопала в ладоши, другая плясала и веселилась. В это время хозяева угощали гостей пивом и выпивкой и предлагали закуску. Затем все участники церемонии садились за стол и принимались за трапезу. Здесь же за столом от хозяев они получали подарки. Мужчинам, как правило, вручали полотенца, а женщинам – платки. После этого, женившегося или выданного замуж юношу или девушку родители свеч больше не зажигали – *Авлантарнă е качча панă хыççăн вĕсене урăх сурта çутмаççĕ* (После женитьбы или выдачи замуж им свеч больше не зажигают) [18].

Посмертные свадьбы имеют место также в современной ритуальной практике прибельских чувашей, особенно в южных районах РБ: Стерлибашевском, Федоровском и Кююргазином. Когда умершим в малолетстве детям исполняется 18 или 20 лет, здесь также устраивают символические свадьбы. Днем свадьбы родители покойных выбирали один из дней календарного месяца или же приурочивали ее к *çимĕк* – летним поминовениям умерших, которые проводили через семь недель после Пасхи в воскресенье. *Çимĕк* в этом отношении считался даже предпочтительным, так как в этот день, чтобы помянуть родных и близких, приезжали многие родственники, в том числе из дальних регионов. Сперва родители с несколькими родственниками на кладбище обходили могилки своих родственников и на них совершали обряд *хывни*. Затем подходили к могиле умершего сына/дочери и после такого же ритуала давали устное наставление: *«Хăвăрăн рисăкăрпа хăвăр пурăнăр, кама йшатса илетĕр, çавăнпа пĕрле пурăнмалла пултăр»* (Живите сообразно со своей долей, кого любя изберете, живите с ним). Или другой вариант: *«Каçарăр пире, хăвăрăнне хăвăр суйласа илĕр, хăвăра кам кăмăла каять, çавна илĕр»* (Простите нас, себе [пару] подыщите сами, кто вам нравится, того и выбирайте). После этого все пели свадебные песни, сначала протяжную, затем плясовую. Под последнюю песню обязательно плясали. Как видим, на кладбище совершалась инсценировка начала чувашской традиционной свадьбы. Затем все присутствующие, покинув кладбище, собирались в доме родителей «жениха» или «невесты» и за общим столом с угощениями продолжали начатую свадьбу [19].

Иногда такие свадьбы проходили по более сложному сценарию, о чем свидетельствует другая история. Получилось так, что в двух семьях примерно в одно и то же время с разницей несколько лет умерли мальчик и девочка. Когда первому исполнилось 18 лет, родители приняли решение поженить его на эту девочку, которая стала «невестой». На принятие такого решения оказало влияние не только наступление совершеннолетия у юноши и девушки, но и то, что их захоронения располагались рядом, по соседству. Сперва родители «жениха» совершили визит к родителям «невесты» и оповестили их о своем желании. Так как вторая сторона была также заинтересована в браке своей дочери, они дали положительный ответ. После этого обе стороны устроили угощение, а свадьбу решили провести в семик (*çимĕк*).

В семик, как было оговорено во время первого визита, сторона жениха вместе со своими родственниками вновь пришла к родителям «невесты» с предложением начать свадьбу. После этого последовали взаимный обмен подарками, угощение за общим столом и визит на кладбище. Со стороны «жениха» на погост отправилась своя делегация из числа родителей и приглашенных трех-четырёх родственников, а со стороны «невесты» – своя. Прибыв на место, около могил покойников родители поставили их в известность о начавшейся свадьбе и благословляли их на крепкий брак: «*Ачасем, акӑ туй тӑватпӑр, сире авлантаратпӑр, пӑлештеретпӑр. Пӑччен ан пуӑнӑр*» (Вот, дети, свадьбу справляем, женим вас, выдаем замуж. Не живите одинокими). Далее все участники церемонии сообща пропели несколько куплетов протяжной свадебной песни, а затем плясали, но уже под другую песню. Затем обе стороны вернулись в дома родителей «жениха» и «невесты» и по отдельности продолжили начатую свадьбу. Следует заметить, что свадьба не носила формальный характер, потому что после нее родители «жениха» и «невесты» считали себя породнившимися; с этого дня они начинали именовать себя не иначе как сват (*хӑта*) и сватья (*тӑхлӑчӑ*) [19].

Нарушением общепринятых правил у чувашей считался также брак без свадьбы. Если последней не было, говорили, что в «том мире» муж и жена не смогут воссоединиться и будут жить порознь. Поэтому, чтобы избежать этого, во время похорон одного из супругов находили время, чтобы сыграть импровизированную свадьбу. В подтверждение сказанному приведем фрагмент интервью И.Г. Степановой (1950 г.р.), рассказавшей о похоронах своего родственника в с. Кистенли-Богданово Бижбулякского района РБ: «*Кӑна элӗ Туля пиччене пытарма кайсан куртӑм. Туля пичче авланӑ та туйне туман пулӑн иккен. Ҫап-ҫамрӑк хӗре илӗчӗ пирӗн Туля пичче. Вӑл пире иккӗмӗш сыпӑкри пичче пулат, аттепе пӑртӑван. Вара ӑна пытарӑн чух хӗрарӑмсем: «Ара, кусен туйӗ пулманчӗ вӗт. Айтӑр-ха туй туса илетпӑр», – терӗҫ. Вара кусем урама тухрӗҫ те Туля пичче лере пӑччен ан ҫӑретӗр, Ритапа пӑрле ҫӑретӗр тесе туй юррисене юрласа илчӗҫ. Ритти маларах вилӗчӗчӗ*» (Это я увидела, когда поехала хоронить дядю Толю. Оказалось, что дядя Толя женился, но свадьбу не устроил. Он женился на совсем молодой девушке. Он нам приходился двоюродным братом, родственником со стороны отца. Когда его похоронили, женщины сказали: «У них же не было свадьбы. Давайте сыграем свадьбу». После этого они вышли на улицу и спели свадебные песни для того, чтобы дядя Толя там не ходил один, а ходил вместе с Ритой [супругой]. Рита умерла раньше него). По словам информанта, на улице женщины не только пели свадебные песни, но и плясали [20]. Вероятно, сначала они спели свадебную песню-зачин, а затем перешли к исполнению плясовых куплетов, т.е. импровизировали начало чувашской свадьбы.

Магические действия с целью «женитьбы» или «замужества» молодых людей с элементами свадьбы присутствуют также в похоронно-поминальной обрядности других этнотерриториальных групп чувашей, например, в Закамье. Так, в дер. Сидулово-Ерыклы Акусубаевского района РТ на больших поминках *юла* после проводов покойника родственники по улице возвращаются домой, распевая чувашские песни. Если покойный был семейным, поют гостевую или пирушечную песню, если же он был холостым, то свадебную [21]. В с. Аксумла Нурлатского района РТ импровизированную свадьбу *туй* проводят до больших поминок *юла*. При этом свадьбу устраивают для всех покойников, в том

числе женатых и замужних. С этой целью участники обряда выходят из дома покойного, доходят до соседского дома и оттуда возвращаются обратно со свадебными песнями и плясками. Затем они заходят в дом, зажигают свечу, становятся перед трапезным столом и поют поминальную песню *юпа юрри*. Только после этого участники обряда садятся за стол и приступают к церемонии поминовения покойника. По сведениям информантов, хозяева кладбища *Масар хуҫисем* строго спрашивают покойников, была ли у них свадьба. Поэтому свадебную церемонию, хотя бы в символическом формате, здесь устраивают как для холостых, так и для женатых и замужних покойников [22]. Близкий по смыслу ритуал бытует в Южном Приуралье. К примеру, в с. Новоселка и с. Кирюшкино Федоровского района РБ на сороковинах, во время проводов покойника здешние православные чуваша около кладбища или на окраине селения сперва поют свадебные песни, а потом пляшут. Причем первыми, как это принято на свадьбе, должны сплясать три семейные пары, состоящие в браке. Однако в данной местности необходимость свадебных песен и танцев объясняется по-другому. Считается, что похороны и поминки являются последней свадьбой человека, первая совершается во время обряда *ача яшки* по случаю рождения, вторая – при вступлении в брак, третья – на последних больших поминках. Как видим, импровизация свадьбы здесь проводится как для холостых, так и для состоящих в браке [23].

Магические действия и обряды, направленные на женитьбу и выдачу замуж не состоящих в браке покойников, а также посмертные свадьбы по этому поводу имеют место в ритуале похорон и поминок других народов. Например, русские умерших незамужних девушек всегда одевали празднично, как на свадьбу. Ее обвязывали полотенцем, на средней палец правой руки надевали кольцо, на крышку гроба клали свадебный каравай. Кроме этого, из числа холостых мужчин на время похорон выбирали «жениха», который в такой же праздничной одежде должен был следовать за гробом [6. С. 347]. В этом же контексте следует рассматривать «похороны-свадьбу» – обряд похорон неженатой молодежи с элементами свадебного обряда, получивший широкое распространение у славянских народов. Чтобы молодой парень или девушка на «том свете» обрели для себя жену или мужа, во время похорон устраивались символические свадьбы: покойника обряжали в свадебную одежду, плели для него венок, украшали свадебное деревце, пекли каравай, приглашали музыкантов и гостей, пели свадебные песни, участников похорон одаривали свадебными подарками, кого-нибудь из ровесников назначали «женихом» или «невестой», устраивали символическое венчание с покойным [5]. В некоторых случаях такие венчания совершали с неодушевленными предметами (камнем, деревом, одеждой и др.), которые в этом случае играли роль брачного партнера умерших [5. С. 227; 29. С. 128].

Имитацию свадьбы при похоронах незамужней девушки устраивала также мордва Поволжья [1. С. 218; 7. С. 116–117; 10. С. 93]. Кроме этого, в ноги усопшей девушки в гроб клали серп, сьюлгам и перстень. Последние помещали в знак того, что она на «том свете» выйдет замуж [27. С. 168].

Аналогичные представления и обычаи свойственны марийцам. К примеру, марийцы Козмодемьянского уезда Казанской губернии, когда хоронили холостых мужчин, устно давали им наказ, чтобы они на «том свете» нашли хороших невест. Незамужним девушкам соответственно желали хороших женихов. До кладбища их везли, как на свадьбу: лошадь запрягали в лучшую сбрую,

на дугу вешали колокольчики. Кроме этого с расчетом на предстоящее замужество незамужних девушек хоронили в праздничной свадебной одежде, а в гроб в качестве приданого клали женские головные уборы – *шарпан* и *нашмак* [28. С. 149]. Марийцы также полагали, что все молодые люди, умершие без брака, в загробном мире обязаны создать свою семью. Бытовало поверье о том, что во время похорон за ними приезжает свадебная процессия и увозит их с песнями и музыкой на свадьбу, где их ожидают «жених» или «невеста». Поэтому в прошлом во время похорон молодых людей марийцы исполняли веселые мелодии и песни. По народным представлениям, этот свадебный поезд был невидимым и ее могли увидеть и услышать только избранные [11. С. 49].

Мотив свадьбы прослеживается в похоронной и поминальной обрядности удмуртов. В исследовании И.Н. Смирнова сообщается, что удмурты Сарапульского уезда Казанской губернии в окрестностях Ижевского завода в прошлом во время похорон неженатого парня или незамужней девушки желали им счастливо вступить в брак [26. С. 184]. А закамские удмурты, когда проводили поминки сорокового дня неженатых и незамужних людей, совершали обряд *бекче поттон* (досл. «вынос бочонка») – на стол выставляли бочонок вина (в настоящее время любая емкость с алкоголем) и угощали его содержимым всех присутствующих. Кроме этого, в честь покойника рядом с сосудом, как полагалось на свадьбе, клали небольшую сумму денег, иногда полотенца и носовые платки. Существовало также поверье, что таких покойников следует провожать со свадьбой. Поэтому во время обряда участники церемонии пели свадебные напевы [1. С. 217–218]. Присутствие свадебных элементов, а именно пение песен из цикла проводов невесты соблюдается также в обряде похорон незамужних девушек у удмуртов Кукморского района РТ [15. С. 164].

Выводы. Таким образом, проведенный выше обзор и анализ этнографических фактов показывает, что мотив брака в похоронно-поминальной обрядности чувашей касательно неженатых и незамужних людей в представлениях и ритуальной практике чувашей является одним из ведущих. Это было обусловлено древним и устойчивым представлением о том, что умершие в потустороннем мире продолжают жить такой же жизнью, как и прежде. По верованиям чувашей, умершие без брака молодые люди обязаны были создать семью в обязательном порядке. Такое правило также распространялось на умерших детей, когда они становились совершеннолетними.

В целях мотивации брака указанной категории покойников во время похорон и поминок их родители и родственники прибегали к различного рода магическим обрядам и действиям: вербальным, акциональным, ритуальным. К последним относится проведение посмертной свадьбы. Полевые материалы показывают, что эти свадьбы во многом носили символический характер и проводились формально. С участием родителей и родственников покойного они устраивались как с предварительным посещением, так и без посещения кладбища. Время для проведения свадьбы родители покойного определяли сами или приурочивали ее к летним или осенним общим поминовениям усопших. На посмертных свадьбах соблюдались такие элементы традиционной чувашской свадьбы, как исполнение протяжных и плясовых свадебных песен с танцами в начале обряда, родительское благословение на кладбище, совместная трапеза за столом, раздача участникам обряда подарков в конце ритуала. Аналогичные представления, обычаи и обряды также имеют место в обрядовой культуре других народов России и Волго-Уральского региона, например,

восточнославянских и финно-угорских. Полученные результаты представляют научно-практическую значимость, так как позволяют дополнить имеющиеся знания по похоронно-поминальной обрядности чувашского народа новыми материалами, а также изучить древние воззрения чувашей в данной области для фундаментальных исследований общественных, семейных отношений, а также этнокультурных и этногенетических контактов и связей с другими народами.

Литература и источники

1. *Анисимов Н.* «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов: дис. ... д-ра философии по фольклористике. Тарту, 2017. 386 с.
2. *Афанасьева Л.А.* Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования). Стерлитамак: СФ БашГУ, 2017. 167 с.
3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1934. Вып. VI. 320 с.
4. *Васильев М.* Чуваша-язычники. Языческие представления чуваш о загробной жизни // Иногородское обозрение. 1913. № 5. С. 342–355.
5. *Виноградова Л.Н.* Похороны-свадьба // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 225–228.
6. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография / пер. с нем. К.Д. Цивиной. М.: Наука, 1991. 511 с.
7. *Корнишина Г.А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2000. 150 с.
8. *Левкиевская Е.Е.* Покойник «заложный» // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 118–124.
9. *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собр. в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.
10. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 215 с.
11. *Молотова Т.Л.* Концепция «картины мира» у марийцев (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть // Расы и народы: современные этнические и расовые и проблемы. Вып. 29. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 34–61.
12. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 574. Л. 118.
13. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 217. Л. 513.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 160. Л. 455.
15. *Нуреева И.М.* Некоторые особенности музыкального стиля обрядовых песен удмуртов Кукморского района ТАССР // Фольклор и этнография: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. С. 158–170.
16. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2014. Республика Башкортостан, Бакалинский р-н, с. Ахманово. Информанты: Исавлин Х.С. (1932 г.р.), Кузнецов А.П. (1934 г.р.).
17. ПМА. 2014. Республика Башкортостан, Бакалинский р-н, с. Ахманово. Информант: Бикбова А.С. (1926 г.р.).
18. ПМА. 2022. Республика Башкортостан, Бижбулякский р-н, с. Кистенли-Богданово. Информант: Кулякова Л.М. (1948 г.р.).
19. ПМА. 2022. Республика Башкортостан, Федоровский р-н, с. Новоселка. Информант: Антонова Л.Т. (1938 г.р.).
20. ПМА. 2022. Республика Башкортостан, Бижбулякский р-н, с. Кош-Елга. Информанты: Степанова И.Г. (1950 г.р.), Архипова И.И. (1951 г.р.), Романова М.Г. (1952 г.р.).
21. ПМА. 2021. Республика Татарстан, Аксубаевский р-н, дер. Сидулово-Ерыклы. Информанты: Андреева А.И. (1940 г.р.), Фадеева Е.А. (1936 г.р.), Фадеева З.В. (1964 г.р.).
22. ПМА. 2021. Республика Татарстан, Нурлатский р-н, с. Салдакаево. Информанты: Илюхина Е.И. (1941 г.р.), Азякова О.А. (1937 г.р.), Пантерина Г.К. (1956 г.р.), Галанцева Н.В. (1979 г.р.).
23. ПМА. 2022. Республика Башкортостан, Федоровский р-н, с. Кирюшкино. Информанты: Вальщикова А.М. (1939 г.р.), Караськина Н.С. (1938 г.р.), Семенова З.С. (1948 г.р.), Семенова З.Н. (1959 г.р.), Сидорова Р.И. (1946 г.р.).
24. *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш. Казань: Типо-лит. Казан. Имп. ун-та, 1903. 39 с.
25. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

26. Смирнов И.Н. Вотяки: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1890. 358 с.
27. Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1895. 291 с.
28. Смирнов И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. 265 с.
29. Толстая С.М. Семантические категории языка и культуры: очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 268 с.
30. Традиционная культура чувашей: тексты. Материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук / подготов. к изд. А.К. Салмин. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. 358 с.
31. Чуваша Приуралья: культурно-бытовые процессы / В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.Б. Матвеев и др.; ЧНИИ. Чебоксары, 1989. 136 с.
32. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. Кн. изд-во, 2018. 591 с.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Уфа (ipetrov62@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>).

Igor G. PETROV

**POSTHUMOUS WEDDING IN TRADITIONAL IDEAS AND RITUAL PRACTICE
OF THE CHUVASHS IN SOUTHERN URAL**

Key words: *Chuvashs, funeral and memorial rites, ritual, signs and beliefs.*

The article considers the funeral and memorial customs and rites of the Chuvashs living in the Southern Urals, mainly the Tans-Ik and Trans-Belaya basins of the Republic of Bashkortostan. The choice of the study range is due to the fact that the funeral and memorial customs and rites of the Chuvash of this region have not been studied sufficiently in historical and ethnological terms, and the available studies are generalized or fragmentary in nature. The purpose of the study is to show the phenomenon of the so-called posthumous wedding and its local variants, which have been preserved and exist in the ritual practice of this ethno-territorial group. Materials and methods. The study was conducted using general scientific methods of analysis, synthesis, analogy, systematization and fundamental principles of historical research: historicism, objectivity, consistency and specificity. Historical-comparative, descriptive methods, the method of system-semantic analysis, as well as such methods of field research as interviews and observation were also used. The article is based on historical and ethnological studies on ethnography, religion and funeral and memorial rituals of the Chuvash, the peoples of Russia and the Volga-Ural region, archival documents of the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities, as well as field materials collected by the author in 2014, 2021, 2022 in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Tatarstan. Results of the study. The ideas of the Chuvash about the institution of marriage were analyzed from the point of view of its relevance for unmarried and unmarried dead, verbal, actional and ritual actions pursuing the motivation for marriage by representatives of the specified category of the deceased were considered, the essence and content of the posthumous wedding in the ritual practice of the Trans-Ural Chuvashs were reflected, including local forms of its manifestation. Findings. It was revealed that posthumous weddings were symbolic in nature and were held formally. With the participation of the parents and relatives of the deceased, they arranged both with a preliminary visit and without visiting the cemetery. The time for the wedding was determined by the parents of the deceased themselves or adjusted it to the summer or autumn general commemoration of the deceased. At posthumous weddings, such elements of the traditional Chuvash wedding were observed as the performance of long and dance wedding songs with dances, parental blessing, a joint meal at the table, and the distribution of gifts to the participants of the rite.

References

1. Anisimov N. «*Dialog mirov*» v *matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov: dis. ... d-ra filos. nauk* [«Dialogue of the worlds» in the matrix of communicative behavior of Udmurts. Doct. Diss.]. Tartu, 2017, 386 p.
2. Afanas'eva L.A. *Terminologiya pokhoronno-pominal'noi obryadnosti chuvashei (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo i etnolingvokul'turologicheskogo issledovaniya)* [Terminology of funeral and memorial rite of Chuvash (experience of comparative and ethnolinguulurological research)]. Sterlitamak, 2017, 167 p.
3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1934, iss. VI, 320 p.
4. Vasil'ev M. *Chuvashi-yazychniki. Yazycheskie predstavleniya chuvash o zagrobnoi zhizni* [Chuvash-pagans. Pagan ideas of the Chudashs about the afterlife]. *Inorodcheskoe obozrenie*, 1913, no. 5, pp. 342–355.
5. Vinogradova L.N. *Pokhorony-svad'ba* [Funeral weddings]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. 5 vols.]. Moscow, 2009, vol. 4, pp. 225–228.
6. Zelenin D.K. *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow, 1991, 511 p.
7. Kornishina G.A. *Traditsionnye obychai i obryady mordvy: istoricheskie korni, struktura, formy bytovaniya* [Traditional customs and rites of the Mordovians: historical roots, structure, forms of existence]. Saransk, 2000, 150 p.
8. Levkieskaya E.E. *Pokoinik «zalozhnyi»* [Dead «hostage»]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. 5 vols.]. Moscow, 2009, vol. 4, pp. 118–124.
9. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very. Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoj gubernii* [Materials for explanation of the old Chuvash faith: Collected in some areas of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.
10. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavjanskikh traditsionnykh obyčajakh i obryadakh XIX–nachala XX v.* [Folk clothes in East Slavic traditional customs and rites of the XIX – early XX century]. Moscow, 1984, 215 p.
11. Molotova T.L. *Kontseptsiya «kartiny mira» u mariitsev (analiz traditsionnykh vzglyadov na rozhdenie i smert')* [The concept of a «picture of the world» of Mari (analysis of traditional views on birth and death)]. In: Korostelev A.D., ed. *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy* [Races and peoples: contemporary ethnic and racial problems]. Moscow, 2004, iss. 29, pp. 34–61.
12. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 574. List 118* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 574. P. 118].
13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 217. List 513* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 217. P. 513].
14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 160. List 455* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 160. P. 455].
15. Nurieva I.M. *Nekotorye osobennosti muzykal'nogo stilya obryadovykh pesen udmurtov Kukmorskogo rajona TASSR* [Some features of the musical style of ritual songs of the Udmurts of the Kukmorsky district of the TASSR]. In: *Fol'klor i etnografiya: obryady, obychai, pover'ya* [Folklore and ethnography: rites, customs, beliefs]. Izhevsk, 1989, pp. 158–170.
16. Field materials of the author. 2014. Republic of Bashkortostan, Bakalinskii distict, Akhmanovo. Informants: Isavlin Kh.S. (1932 year of birth), Kuznetsov A.P. (1934 year of birth).
17. Field materials of the author. 2014. Republic of Bashkortostan, Bakalinskii distict, Akhmanovo. Informants: Bikbova A.S. (1926 year of birth).
18. Field materials of the author. 2022. Republic of Bashkortostan, Bizhbulyakskii distict, Kistenli-Bogdanovo. Informant: Kulyakova L.M. (1948 year of birth).
19. Field materials of the author. 2022. Republic of Bashkortostan, Fedorovskii district, Novoselka. Informant: Antonova L.T. (1938 year of birth).
20. Field materials of the author. 2022. Republic of Bashkortostan, Bizhbulyakskii district, Kosh-Elga. Informants: Stepanova I.G. (1950 year of birth), Arkhipova I.I. (1951 year of birth), Romanova M.G. (1952 year of birth).
21. Field materials of the author. Republic of Tatarstan, Aksubaevskii district, Sidulovo-Erykly. Informants: Andreeva A.I. (1940 year of birth), Fadeeva E.A. (1936 year of birth), Fadeeva Z.V. (1964 year of birth).

22. Field materials of the author. Republic of Tatarstan, Nurlatskii district, Saldakaevo. Informants: Ilyukhina E.I. (1941 year of birth), Azyakova O.A. (1937 year of birth), Panterina G.K. (1956 year of birth), Galantseva N.V. (1979 year of birth).
23. Field materials of the author. 2022. Republic of Bashkortostan, Fedorovskii district, Kiryushkino. Informants: Val'shchikova A.M. (1939 year of birth), Karas'kina N.S. (1938 year of birth), Semenova Z.S. (1948 year of birth), Semenova Z.N. (1959 year of birth), Sidorova R.I. (1946 year of birth).
24. Prokop'ev K.P. *Pokhorony i pominki u Chuvash* [Funeral and commemoration of the Chuvashs]. Kazan, 1903, 39 p.
25. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [The system of religion of the Chuvashs]. St. Peterburg, 2007, 654 p.
26. Smirnov I.N. *Votyaki: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Votyaks: historical and ethnographic essay]. Kazan, 1890, 358 p.
27. Smirnov I.N. *Mordva: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Mordvas: historical and ethnographic essay]. Kazan, 1895, 291 p.
28. Smirnov I.N. *Cheremisy: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Cheremises: historical and ethnographic essay]. Kazan, 1889, 265 p.
29. Tolstaya S.M. *Semanticheskie kategorii yazyka i kul'tury: ocherki po slavyanskoi etnolingvistike* [Semantic categories of culture language. Essays on Slavic ethnolinguistics]. Moscow, 2010, 268 p.
30. Salmin A.K., comp. *Traditsionnaya kul'tura chuvashei: teksty. Materialy Nauchnogo arkhiva Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk* [Traditional Chuvash culture: texts. Materials of the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. St. Peterburg, 2014, 358 p.
31. Ivanov V.P., Kondrat'ev M.G., Matveev G.B. et al. *Chuvashi Priural'ya: kul'turno-bytovye protsessy* [Chuvashs of Cisural areal: cultural and everyday processes]. Cheboksary, 1989, 136 p.
32. *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravocchnik* [Chuvash mythology: ethnographic handbook]. Cheboksary, 2018, 591 p.

IGOR G. PETROV – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Ethnography Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (ipetrov62@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>).

Формат цитирования: Петров И.Г. Посмертная свадьба в традиционных представлениях и ритуальной практике чувашей Южного Приуралья // Вестник Чувашского университета. – 2023. – № 1. – С. 50–63. DOI: 10.47026/1810-1909-2023-1-50-63.